

Л. А. Александрова

**СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК СОВОКУПНОСТЬ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР И ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ
В СТРУКТУРЕ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ**

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 03.07.2025 г.

Принята к публикации 14.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3

32

Для цитирования: Александрова Л. А. Следственное действие как совокупность процессуальных мер и элемент системы в структуре института доказывания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 32—40. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3.

Уголовно-процессуальным законом дан исчерпывающий перечень следственных действий, определен порядок и особенности производства каждого из них. В то же время в правоприменении довольно часто возникают трудности, которые приводят либо к признанию доказательств недопустимыми, либо к нарушению прав участников производства по уголовному делу. В некоторых случаях практика идет дальше теоретических разъяснений и конструкций, появляются некоторые шаблоны действий следователей, дознавателей, подходов судов к рассмотрению и разрешению соответствующих жалоб, которые не всегда соответствуют требованиям закона. Эти противоречия обуславливают злободневность заявленной темы, а также свидетельствуют о необходимости поиска новых граней, позволяющих несколько по-иному рассмотреть следственное действие как правовой феномен, что предопределило цель статьи. Для ее достижения наряду с общенаучными методами (логическим, сравнительного анализа, синтезом) использовались и частнонаучные (толкования правовых норм и формально-юридический). Эмпирический метод лег в основу обращения к правоприменительной практике. Это позволило определить место системы следственных действий в структуре института доказывания. Учитывая сложность производства следственного действия, множество охватываемых им мероприятий, удалось разрешить вопрос о соответствии его общим признакам судебной экспертизы, рабочая часть которой производится лицом, обладающим специальными знаниями; выделить группу структурно подобных. В качестве вывода предлагается структурно-системный подход к определению следственного действия через дефиницию их системы.

Ключевые слова: следственные действия, система, структура, порядок производства, доказательства

Введение

Следственным действиям посвящено множество работ разного уровня — от небольших статей-очерков до исследований в форме докторских диссертаций. Но отдельное их изучение побуждает не только ис-



кать взаимосвязи между видами следственных действий, но и рассматривать их как отдельную систему средств доказывания, определять место этой системы в структуре институтов уголовно-процессуального права. При наличии логичных и выверенных дефиниций следственных действий в теории предлагаются различные подходы для их классификации, но прежде необходимо дать определение их системы как совокупности взаимодействующих элементов, а также обратиться к их внутренней структуре, обусловленной их целесообразностью.

Определение следственных действий как отдельной системы по цели

33

Следственные действия законодатель определяет как способ собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ). Уместно также утверждать, что следственное действие — основной способ доказывания в целом, поскольку без него не обходятся проверка и оценка доказательств, тем более что такой подход признан доминирующим ко времени вступления в силу УПК РФ 2001 г. Целью доказывания обособляются эти процессуальные действия А.А. Давлетовым [1, с. 42], В.В. Кальницким и Е.Г. Лариным [2, с. 13], В.А. Семенцовым [3, с. 20], другими авторами [4, с. 372]. З.Л. Шагапсоев, соглашаясь с С.А. Шейфером [5, с. 15], называет их «познавательными процессуальными действиями» [6, с. 188]. Некоторые исследователи считают такой подход узким [3, с. 11], однако оценка содержания этого правового явления раскрывает всю его глубину.

Бесспорно, следственные действия, являясь способом доказывания, существуют в рамках соответствующего института и как его часть отражают правовую природу целого: процесс собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 85 УПК РФ). При этом целое имеет и объем — пределы доказывания, и единицу измерения — предмет доказывания. Собирание, проверка и оценка как неразделимое смысловое содержание процесса доказывания представлены каждым следственным действием. Импонирует позиция П.В. Фомичёва [7, с. 20], А.В. Победкина и В.Н. Яшина [8, с. 35], согласно которой цель следственного действия — формирование доказательств. В.С. Балакшин отмечает, что готовых доказательств в природе с точки зрения уголовного процесса не существует, правоприменитель «фильтрует информацию», закрепляя в уголовном деле только те сведения, которые обладают свойствами доказательства [9, с. 27–28]. Таким образом, результат этих детально упорядоченных действий — оформленные сведения, соответствующие установленным в ч. 2 ст. 74 УПК РФ видам доказательств, позволяющих установить обстоятельства преступления в соответствии с предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) и его пределами. Следственные действия в их совокупности можно определить как систему средств, входящую в структуру института доказывания наряду с другими его системами.

Многие авторы традиционно стремились включить в определение следственных действий как можно больше их признаков, перечисляя упорядоченность процессуальным законом [10, с. 186], производство



надлежащим правоприменителем, строгие требования к оформлению и обеспечение государственным принуждением [11, с. 26; 12, с. 21; 13, с. 5]. Тем не менее это общие критерии всех действий, если исходить из того, что они процессуальные. Думается, в определении достаточно указать специфику следственных действий по отношению ко всем процессуальным — познавательный характер, предназначение как способа доказывания, то есть внешние собственные признаки их системы.

Формулируя понятие следственных действий, необходимо учесть их системообразующую особенность — целесообразность, как главный признак. Определение при этом должно быть выражено простой, но емкой формулой, каждая составляющая часть которой имеет свой смысл, разворачивающийся самостоятельно. Также важно вспомнить правило Оккама, согласно которому самое простое объяснение из всех верных более всего соответствует истине [14, с. 98], поскольку может применяться как матрица и допускает разносторонние подходы к его разбору, подробному рассмотрению, оставляя неизменной его суть.

Следственные действия — это группа процессуальных средств доказывания, систематизированных с целью установления обстоятельств преступления. Думается, данное определение оптимально, каждое слово — емкое понятие, несущее самостоятельный смысл, позволяющее полно и всесторонне охарактеризовать следственные действия как правовые явления, дающие результат только во взаимосвязи, поскольку обеспечивают динамику процесса доказывания — неразрывность собирания, проверки и оценки доказательств. Единственное, что вызывает вопрос — слово «действие», которое, как представляется, слишком односторонне для определения исследуемого явления. Согласно толковому словарю Ожегова, это проявление воли, энергии, событие, поступок [15, с. 341], но каждое следственное действие — это совокупность необходимых процессуальных мер со своей конкретной задачей.

Структура следственного действия, определяющая его как сложное мероприятие

Нелишним было бы сравнить данную дефиницию с понятием оперативно-розыскной деятельности, обусловленной схожей целью — установление обстоятельств преступления и часто предшествующей, носящей сопровождающий и информационно-обеспечительный характер. Тем не менее согласно действующему законодательству оперативно-розыскная деятельность состоит из мероприятий [16].

Следственные действия, не менее сложные в производстве, так же по сути являются мероприятиями. Более того, их производство усложнено организационными и формальными требованиями, обеспечивающими осуществление прав участников производства по уголовному делу. Каждое из них можно разделить на подготовительные действия, обеспечивающие законный порядок производства; непосредственное проведение — система действий для достижения поставленной цели;



заключительную часть — закрепление результата, ознакомление с ним участников, что также обеспечивает их права и влияет на допустимость полученных доказательств. Ранее это отмечал С. Б. Россинский, выделяя три части: подготовительную, рабочую и фиксационную, которые нельзя представить без определенных мер, опосредованных «общими и частными правилами» [17, с. 166]. Данная схема — универсальна, применима к любому, даже к самому «простому» следственному действию, которое в своем роде является совокупностью принятых мер. Эта мысль подтверждается позицией Пленума Верховного Суда РФ, закрепленной в постановлении №51 от 19 декабря 2017 г. В пункте 13 перечисляются случаи, влекущие признание доказательства недопустимым, среди которых производство действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом, как и само его нарушение [18].

Судебную экспертизу можно назвать одним из самых структурно сложных следственных действий, по этой причине в теории уголовного процесса обсуждается вопрос о принадлежности ее к таковым. В частности, поскольку исследование производится экспертом, а не следователем, последний лишь назначает экспертизу и получает ее результат, Т. П. Ишмаева полагает, что экспертиза не вполне соответствует пониманию следственного действия [19, с. 50]. Рабочую часть — исследование с применением специальных знаний — осуществляет эксперт, однако его выводы должны оцениваться правоприменителем безотрывно от исследовательской части заключения. Нельзя не согласиться с И. В. Виноградовым, Г. И. Кочаровым и Н. А. Селивановым, перечислившими среди причин, по которым следователь может не согласиться с заключением эксперта, сомнения в правильности методов исследования и противоречие его содержания с выводами [20, с. 204]. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении также отметил важность «уяснения [судом] смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков» [21]. Во всяком случае результат работы зависит от предоставленных следователем данных. Апелляционным решением Ленинградского областного суда был изменен обвинительный приговор в отношении Ф. по ч. 3 ст. 264 УК РФ путем исключения из описания деяния нарушения п. 10.3 Правил дорожного движения РФ и смягчения наказания. Следователем эксперту-автотехнику были предоставлены субъективные данные о скорости движения автомобиля, поэтому факт ее превышения остался недоказанным [22].

Приведенный пример свидетельствует о невозможности рассмотрения исследовательской части в отрыве от подготовительного и заключительного этапов следственного действия. Нарушения, допущенные правоприменителем на любом из них, должны влечь признание результата недопустимым доказательством.

В этой связи интересна оценка судьей доводов защитника, ходатайствовавшего о признании недопустимым заключения эксперта, по-



скольку при назначении экспертизы ни он, ни его подзащитный не были ознакомлены с постановлением об этом. Ознакомление произошло только по получении самого заключения. В приговоре судья указал: «Ничто не препятствовало подсудимому и его защитнику после ознакомления с постановлением следователя и результатами экспертизы, а также в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ заявлять ходатайства, направленные на реализацию предусмотренных п. 2—5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ прав» [23]. Соответственно, в удовлетворении ходатайства было отказано.

С такой позицией сложно согласиться. Назначение судебной экспертизы — комплекс действий, которые следователь должен выполнить и для регулирования которых отведена гл. 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Более того, законодатель предписывает составлять отдельный протокол ознакомления с постановлением о назначении, что позволяет обозначить отдельную часть следственного действия, имеющую свой порядок и завершающуюся собственным процессуальным документом, что говорит о ее значении.

К сожалению, практика следует по иному пути. Отказ признать заключение эксперта недопустимым доказательством из-за игнорирования следователем требований ст. 195 УПК РФ стал общим местом и даже обрел расхожее обоснование: неознакомление с постановлениями о назначении экспертиз не нарушает прав участников, поскольку они «после ознакомления с их заключениями могли заявить ходатайство о назначении дополнительной, повторной экспертизы и другие ходатайства» [24]. Мнения практиков и теоретиков здесь расходятся. П. Н. Мазуренко критикует подобное отношение к предписанию законодателя, справедливо отмечая необходимость обеспечения прав участников судопроизводства [25, с. 171]. Нельзя не согласиться и с В. А. Масаловым, называющим ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы перед ее производством процессуальным действием, гарантирующим законность ее результата [26]. Очевидно, что эта точка зрения совпадает с позицией Конституционного суда Российской Федерации, обозначившего ее в одном из своих определений еще в 2004 г. [27].

Кроме производства судебная экспертиза отчетливо делится на составные части, которые можно назвать комплексами процессуальных мер: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединениях между абонентами (ст. 186.1 УПК РФ). Их рабочая часть также выполняется не следователем, а разного рода специалистами. В отличие от судебной экспертизы их описание изложено в одноименных статьях, однако подготовительная их часть, которую также можно обозначить назначением, регламентируется отдельной общей ст. 165 УПК РФ и предполагает выход следователя в суд с ходатайством для получения решения, санкционирующего необходимое мероприятие. Более того, этот порядок раскрывается и уточняется



Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, а его нарушение ведет к безусловному признанию полученного результата недопустимым доказательством [28]. Названные следственные действия отличаются своей структурностью, отдельные их части могут содержать свой порядок принимаемых мер, собственные сроки и круг участников.

Апелляционным постановлением Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики был отменен обвинительный приговор с возвращением уголовного дела прокурору вследствие нарушений ст. 220 УПК РФ в виде наличия «множества неопределенных вопросов с доказательствами, которые подлежат разрешению с соблюдением процессуальных гарантий и обеспечением прав участников досудебного производства» [29]. Оставляя за рамками статьи законность принятого решения, обратим внимание на нарушения уголовно-процессуального законодательства при производстве контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ).

Как известно, заключительный этап этого следственного действия включает в себя осмотр по всем его правилам с перечисленными в ч. 7 ст. 186 УПК РФ участниками и предусмотренными законом особенностями протокола. В числе нарушений, отмеченных судом, была его неполнота: не отражен процесс формирования и изготовления стенограммы, не указаны выявленные относящиеся к делу обстоятельства, не определена принадлежность голосов, не названы использованные технические средства. При производстве по уголовному делу не проводилась и экспертиза аудиозаписи. Очевидно, при подобных нарушениях порядка, принимаемых на заключительном этапе мер, результат должен быть признан недопустимым доказательством.

Есть и другой пример, показывающий дробность содержания общего понятия «следственное действие», что на самом деле является сложным событием, которое может состояться только благодаря точному выполнению следователем взаимосвязанных процессуальных действий в его рамках. Во время осмотра места происшествия — квартиры М., осужденного судом первой инстанции по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, понятые были приглашены только после обнаружения оперуполномоченным ноутбука. Допрошенная в судебном заседании понятая пояснила, что она вошла в квартиру и увидела на столе открытый ноутбук с изображением на экране лесного массива с кружочками и стрелочками. Второй понятой этого факта подтвердить не смог. Судом кассационной инстанции это доказательство было признано недопустимым, обвинение было преквалифицировано на ч. 2 ст. 228 УК РФ [30].

Нарушение порядка производства следственного действия является одним из оснований признания его результата недопустимым доказательством. В рассмотренном случае следователь не учел требования ч. 4 ст. 170 УПК РФ и не организовал участие понятых до начала осмотра, что вполне можно отнести к важному первоначальному организацион-



ному действию в его рамках для закрепления его хода и результатов. Осмотр места происшествия может казаться более простым действием, нежели рассмотренные выше, однако любое предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством следственное действие предполагает целесообразные организационные и правообеспечительные меры, активную деятельность следователя, что не вписывается в лаконичное понятие «действие».

Думается, сложно будет отказаться от привычного термина «следственное действие», но чтобы полностью отразить его смысл, стоит изменить содержание понятия, определив его следующим образом: следственное действие — это совокупность процессуальных мероприятий, направленных на формирование доказательства по уголовному делу.

Список литературы

1. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть : курс лекций. Екатеринбург, 2011.
2. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2015.
3. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве : монография. М., 2017.
4. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2016.
5. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.
6. Шагапсоев З.Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. 2013. №3 (45). С. 186—190.
7. Фомичев П.В. Процессуальные основания проведения следственных действий в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.
8. Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия : монография. М., 2016.
9. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
10. Алексеев Н.С., Давев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
11. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : монография. Екатеринбург, 2006.
12. Стельмах В.Ю. Концептуальные основы следственных действий : монография. М., 2017.
13. Ласточкина Р.М., Кулев А.Г., Язева Е.Е. Следственные действия: сущность и процессуальные алгоритмы : учеб. пособие. Ярославль, 2020. С. 4—12.
14. Жмудь В.А. Значение принципа бритвы Оккама для формирования и селекции научных гипотез // Автоматика и программная инженерия. 2013. №2 (4). С. 95—104.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2021.
16. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг.
17. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М., 2021.



18. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. №51 г. Москва // Российская газета. 2017. 29 дек.

19. Ишмаева Т.П. Процессуальная сущность судебной экспертизы // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. №3 (14). С. 46 – 50.

20. Виноградов И.В., Кочаров Г.И., Селиванов Н.А. Экспертизы на предварительном следствии // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. №5. С. 197 – 207.

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной экспертизе по уголовным делам // Российская газета. 2010. 30 дек.

22. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда №22-1777/2019 от 17 октября 2019 г. по делу №1-35/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V91MhVICiv5e/> (дата обращения: 13.07.2025).

23. Приговор №1-210/2024 от 30 июля 2024 г. Кудымкарского городского суда Пермского края // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7ceJWdpCjcUR/> (дата обращения: 24.03.2025).

24. Апелляционное определение Московского городского суда от 13.07.2023 по делу №10-11225/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/ac37f4e0-f958-11ed-9a8c-e981c6e30f08> (дата обращения: 05.04.2025).

25. Мазуренко П.Н. О нарушениях принципа состязательности при назначении и производстве судебных экспертиз в уголовном процессе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, №2 (10). С. 169 – 172.

26. Масалов В.А. Ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы обвиняемого // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16, №3. С. 47 – 53.

27. По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 №206-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

28. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 №19 // Российская газета. 2017. 9 июня.

29. Апелляционное постановление №22-247/2018 от 9 июня 2018 г. по делу №22-247/2018. Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики (Кабардино-Балкарская Республика) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EvxInDnJQpl6/> (дата обращения: 18.05.2025).

30. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по уголовному делу №1-391/2019 от 21 ноября 2019 года // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга.

Об авторе

Людмила Анатольевна Александрова — канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ml1970@yandex.ru



L. A. Alexandrova

AN INVESTIGATIVE ACTION
AS A SET OF PROCEDURAL MEASURES AND AN ELEMENT
OF THE SYSTEM IN THE STRUCTURE OF THE INSTITUTION
OF EVIDENCE

V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Received 3 July 2025

Accepted 14 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3

40

To cite this article: Alexandrova L. A., 2025, An investigative action as a set of procedural measures and an element of the system in the structure of the institution of evidence, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 32—40. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3.

The Criminal Procedure Law provides an exhaustive list of investigative actions and defines the procedure and specific features of each of them. At the same time, in law enforcement practice, difficulties often arise, leading either to the recognition of evidence as inadmissible or to the violation of the rights of participants in criminal proceedings. In some cases, practice goes beyond theoretical explanations and constructions, forming certain patterns of actions by investigators and inquirers, as well as approaches of courts to the consideration and resolution of relevant complaints, which do not always comply with the requirements of the law. These contradictions determine the relevance of the topic under discussion and demonstrate the need to search for new perspectives that allow a somewhat different consideration of investigative actions as a legal phenomenon, which determined the aim of this article. To achieve this aim, along with general scientific methods (logical, comparative analysis, synthesis), specific legal methods (interpretation of legal norms and formal-legal analysis) were also applied. The empirical method formed the basis for addressing law enforcement practice. This made it possible to determine the place of the system of investigative actions within the structure of the institution of evidence. Taking into account the complexity of conducting investigative actions and the wide range of activities they encompass, it was possible to resolve the issue of their correspondence to the general characteristics of forensic examination, the operational part of which is carried out by a person possessing special knowledge, as well as to identify a group of structurally similar actions. As a conclusion, a structural-systemic approach to defining investigative actions through the definition of their system is proposed.

Keywords: investigative actions, system, structure, procedure, evidence

The author

Dr Lyudmila A. Alexandrova, Associate Professor, Associate Professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: ml1970@yandex.ru